

<https://nashgorod.ru/news/2009-12-14/dmitriy-hvorostovskiy-kogda-menya-zastavlyayut-viset-vverh-nogami-i-pet-eto-interesno-2025600?ysclid=lk7abpcalt558711825>

Дмитрий Хворостовский: Когда меня заставляют висеть вверх ногами и петь — это интересно

14 декабря 2009

Концерт знаменитого баритона Дмитрия Хворостовского прошел в Тюмени 13 декабря. Музыкант нашел возможность ответить на вопросы журналистов на пресс-конференции, которая состоялась в отеле «Тюмень».

На ней помимо Дмитрия Александровича присутствовали первый заместитель Совета директоров «Альфа-Банка», который являлся спонсором концерта, Олег Сысоев и директор Тюменской филармонии Михаил Бирман.

Сегодня вечером Вы будете исполнять очень много русской духовной музыки. Эта программа исключительно для российского зрителя?

— Абсолютно нет. Я несколько лет тому назад часть этой программы исполнял в большом туре в США и Европе.

Как там публика принимает эту музыку? Потому что музыка сложная, к ней нужно привыкнуть.

— Хорошо. Почему музыка сложная? Музыка духовная, поэтому она затрагивает естественные точки, места в душе каждого человека, вне зависимости от того, верующий он или нет. Я лично неверующий, но мне эта музыка близка. Я как-то по-своему ее понимаю и передаю через свое сердце свое восприятие этой музыки. Пропускаю через сердце, и, как правило, музыка находит понимание в любой душе: русской и нерусской.

А сколько Вам нужно времени, чтобы найти понимание с залом в России и залом за границей?

— Понятия не имею. Зависит от состояния публики, от моего состояния и других внешних обстоятельств. Бывает, что понимания так и не находится, на

мой взгляд. В общем, это вещь очень сложная, каких-то рецептов и способов для завоевания публики у меня нет. Я каждый раз выхожу на сцену как на исповедь, как на бой.

Ваши поклонники Вам не слишком докучают?

— Бывает, что подходят за автографом прямо на сцене во время концерта и начинают... Такие вещи обычно не делаются на классических концертах. Русская публика, где бы она ни была, совершенно естественно приходит на сцену, дарит цветы и просит автографы. Люди нерусские смотрят на них, как на инопланетян, для них это абсолютно не характерно. Мало того, на классических концертах даже аплодировать между номерами не рекомендуется, потому что, когда исполняются циклы или произведения одного композитора, для того, чтобы сохранять атмосферу, не разрушать драматического нагнетания, публика предпочитает не хлопать, сидеть в гробовой тишине. Русские хлопают, автографы... «Чё такое, дай автограф! Ты чё?». Я говорю: «Не мешайте мне работать» (смеется). Все очень просто, естественно.

А почему на Вашем официальном сайте нет отзывов публики?

Официальный сайт появится очень скоро, а то, что Вы называете официальным сайтом, на самом деле — неофициальный. Хочу поставить акцент на этом: официальным сайтом я занимаюсь сам с профессиональными людьми, и он должен начать работать на днях. Он будет на двух языках: английском и русском. Вчера только я записал послание для публики. Так что будет очень интересно, будет много разной информации, видео и аудио, все что угодно. А остальные сайты ко мне не имеют никакого отношения. Моя страница в «Одноклассниках» — это не моя страница. Самозванец, который владеет какой-то информацией, использует мое имя без разрешения, надеюсь, что с добрыми для себя намерениями.

В интервью газете «Известия» Вы 2 года назад говорили об одном из проектов. Там прозвучала следующая фраза: «... и вот на этом можно было бы поставить эффектную точку в карьере...». Неужели Вы думаете о завершении карьеры?

— Я такого не говорил. Мне еще минимум 20 лет надо работать, чтобы поднять моих детей. Это нонсенс.

В одном из интервью Вы сказали: «Чтобы опера не стала музейным жанром, нужно искать новый подход». Какой?

— А опера и так музейный жанр. Ничего ведь плохого нет в музее. Мы же ходим в музеи, и будем продолжать ходить. Я считаю, что все лучшее в опере уже давно написано. А то, что пишется сейчас, или копирует оперные каноны, будь то классические, романтические, или это музыка современного языка, которая предполагает другой стиль пения, который требует совершенно другой вокальной школы. Я считаю, что последний портит голоса: они делаются форсированными, некрасивыми. Уплотненная палитра оркестра призывает эти голоса форсировать, кричать. Неточное интонирование, голоса скрипят и звучат неблагородно — на мой взгляд, не имеют ничего общего с оперным пением. Я культивирую и люблю красивое пение, полетное, экспрессивное, но не форсированное. Мне кажется, в этих канонах и нужно находиться по отношению к оперному жанру. Современная опера — некоторое ответвление этого жанра, но я с ней ничего общего не имею. Классическая опера может быть интересна в неклассических постановках, в нетрадиционном театре, в сближении театра с кинематографом, сближении театра с телевидением. Исполнение вживую, которое транслируется на несколько стран, тоже перспективно и интересно. То же самое можно сказать и о живых трансляциях в интернете.

Вы пели в Тобольском кремле. Приходилось ли выступать и на других необычных площадках?

— Конечно, приходилось! Но я уже не помню где.

Вы работали учителем пения. Для Вас это значимая часть биографии?

— Я был не учителем пения, а учителем музыки, проходя практику в педагогическом училище. На второй год обучения мы проходили практику в детском саду, где я работал в течение года. 2–3 раза в неделю занимались с детьми различных возрастов, я играл гимнастику, занятия музыкой, марши. На 3-ий год обучения я проходил практику в школе, где преподавал уроки музыки и, как дирижер, вел занятия музыкальных ансамблей и хора. Мне было очень интересно.

Возвращаясь к оперным спектаклям, насколько Вам самому интересно принимать в них участие?

— Если было бы неинтересно, я бы не принимал. Конечно, это моя непосредственная профессия — оперный певец, и опера это основной жанр, который мной движет, и благодаря чему я состоюсь, расту, совершенствуюсь и живу. Опера — это лаборатория, в которой я провожу эксперименты, вынося их потом на концертную сцену. Опера — это область, в которой присутствует абсолютно незаменимая для меня практика актерской игры, потому что в этом жанре работают и коллектив, и дирижер, и художник, и свет, и партнеры. Это настоящий театр, и даже лучше, чем театр, потому что там говорят, а здесь еще и поют, еще и танцы есть. Опера включает всевозможные жанры, поэтому мне там интересно. В опере я стараюсь петь как можно чаще, но не могу часто, потому что есть интерес и к другим жанрам, и концертной деятельности, тем более что в последней мне интересны классические и неклассические жанры.

А каковы Ваши отношения с режиссерами, потому что режиссура тоже бывает разной: кто-то заставляет встать на голову и спеть в этом положении.

— Ну, это еще интереснее, когда меня заставляют висеть вверх ногами и петь. Мне интересно работать с талантливыми людьми, режиссерами в частности. Когда есть возможность чему-то научиться — прекрасно, потому что без этого жить нельзя. А в процессе работы с интересными режиссерами, даже если споришь и не соглашаешься, рождается интересно решение.

Они прислушиваются к мнению певцов?

— Ну, не ко всем, но к моим мнениям прислушиваются, потому что я тяжелой категории, меня трудно не слушать.

Вопрос к Олегу Николаевичу. Быть генеральным спонсором такого тура — очень ответственно. Ваши личные вкусы играют здесь какую-то роль?

— Безусловно, мы делаем только то, что нравится руководству. И Дмитрий Александрович, с точки зрения классической и оперной музыки, является лучшим, что сейчас у нас есть. Даже была такая история, которую рассказывал главный акционер нашего банка — Михаил Фридман — лет 13 назад, еще до открытия филиала в Тюмени, он пытался попасть на Ваш концерт в Зальцбурге, и ему этого так и не удалось. Миллиардер не смог попасть на концерт Хворостовского. Я ему посоветовал сегодня приехать, но дела ему не позволили сделать этого. Мы всегда хотели знакомить наших клиентов,

зрителей с явлениями в этой жизни с точки зрения культуры, и, безусловно, Дмитрий относится к таковым.

Вы будете исполнять партию Онегина. Кто будет Вашими партнерами, и каково Ваше отношение к этой роли?

— Ближайшего Онегина мне предстоит спеть в июне. Кто будет моими партнерами? Понятия не имею. В Вене и немецких и австрийских театрах люди встречаются иногда просто на сцене. «Привет! Ты кто?» — «Я — Татьяна». Такие вещи происходят, в каждой шутке есть доля шутки, и в этой тоже. Тебе дается 2–3 дня репетиций не на сцене, а где-то в студии. Оркестровых репетиций тоже иногда не дается. Поэтому тут тебе все карты в руки, с твоим профессионализмом, опытом и талантом импровизировать. Тебе, конечно, показывают географию всего спектакля — где, что, когда, чтобы не наталкиваться на бешеных аристов или, не дай бог, животных. А все остальное от тебя зависит — как и что делать.

У Вас сейчас прошел проект «Дежа вю». А какой планируется следующий этап развития этого проекта?

— 6 марта будет концерт в Radio City Music Hall в Нью-Йорке, это очень большая и престижная сцена. Я знаю, что билеты уже практически проданы, будет огромный наплыв русской публики, весь Брайтон Бич придет (смеется). Конечно, придет и моя публика тоже, американская публика, которая знает меня. Ну, может быть, многие не придут, потому что некоторым не нравится популярная музыка в моем исполнении или вообще, но интерес я ощущаю достаточно большой.

А уже есть перемены в этой публике? Пришел кто то, кто раньше не ходил?

— Естественно, большое количество публики в этот проект принес Игорь Крутой. Пришла публика, которая его любит, и которая познакомилась со мной. Есть и моя публика, которая познакомилась со мной. Произошел своеобразный меланж, и это очень хорошо. Для меня это очень важно, возможность познакомить кого-то еще с классической музыкой. Есть большой процент молодежи, которая не в курсе, что такое классическая музыка. Так что этот проект — большой прорыв.

Если верить интернет-изданиям, Вы долго не соглашались сотрудничать с Крутым.

— Я вроде как сам ему предложил, после нескольких дней-недель-месяцев знакомства. Когда он показал первые свои вещи, мы с Флошей, моей женой, были у него в гостях и просто расплакались. Настолько хорошо он исполнил. Потом, несколько подумав, я предложил ему написать что-нибудь для меня. Он написал несколько композиций, мы записывали это, в основном, в Нью-Йорке. Сначала было записано демо, так как нот не было (Игорь говорит: «Ноты — это враги наши»). Он сам это напевал, без стихов, на ему только присущий слог: «Ва-да-да-фе, Вада-вада-фе», вот так он это пел. Соответственно, мы эти песни называла «Вадата», «Вадафе» (смеется). Потом, уже с текстами, мы записывали это на студии. Я человек противный, сомневающийся, с чем-то не соглашался, просил его переделать, он тоже упрямый. В общем, было прекрасно.

Как Вам уровень комфорта отеля?

— Потрясающе, мне очень нравится. Единственное, что мне кажется странным: сибиряки предпочитают жить в тепле — очень тепло. Поэтому, заходя в гостиничную комнату, я открываю все окна, выключаю отопление, довожу температуру до +9, и уже тогда можно будет дышать.

Вчера один из историков нашего города уверял меня, что Ваши предки жили в Тюмени.

— Я — сибиряк. Родился, вырос и учился в Красноярске.

Сейчас переоборудуют Текутьевское кладбище, и там есть плита с фамилией Хворостовский.

— Да Вы что, возможно, это однофамилец. Потому что я в курсе, где мои предки и со своими родственниками я практически везде встречался. Основная часть родственников живет на Украине. А остальные — в Белоруссии, Чикаго, Москве, Красноярске.

А для своих детей Вы какую бы карьеру хотели?

— Не знаю. Музыкой они занимаются — это основное мое требование к воспитанию, тем более что у них определенные данные. У моей двухлетней

Ниночки абсолютный слух, как и у тринадцатилетнего Дани. Старшие девочка и мальчик уже получили очень хорошее образование и продолжают заниматься частным образом: поют в хоре, играют на фортепиано. В русской церкви в Лондоне они занимаются не только пением, но и русским языком, русской речью, литературой, Божьим словом. Младшие по-русски говорят оба, дома мы тоже говорим по-русски — это основное условие.

А фамилия заставляет Ваших старших детей строже себя вести?

— Фамилия старшим детям приносит одни неудобства, ее произносить сложно — никто не может это сделать — ни французы, ни итальянцы. Первые годы своей зарубежной карьеры мне хотелось поменять ее на что-то такое из 3–4 букв. Ну уж очень непроезжимая, были разного рода курьезы с моей фамилией.

Давайте еще поговорим о проектах. Я считаю, что это очень хорошее дело — «Альфа-Банк» — один из известных и авторитетных банков, он встречается и в Европе, и в Америке. Я вас давно знаю, и слава о вас идет по материкам и континентам. Поддержка такого солидного и авторитетного банка для меня означает прежде всего работу. И я отдаю себе отчет в том, что мне нужно сделать ряд проектов, которые были бы интересны всем, и которые бы стали событием для всех людей. Программа, хотя я ее сначала несколько недооценивал, получилась очень красивой и интересной. Мы в этом убедились по двум концертам в Красноярске, которые прошли очень хорошо. Хор под руководством Льва Конторовича — удивителен, обладает потрясающими гибкостью и мастерством, обаянием. С этим хором нас связывает достаточно много работ, практически все мои записи сделаны с ними. Такое наше сотрудничество в туре по России — это только начало. Это абсолютно мобильная по количеству и возможностям организация. Мы можем быть абсолютно свободны в выборе репертуара и географии.

А в Тюмень вы еще приедете?

— Я здесь третий раз, и не собираюсь на этом останавливаться. Естественно, когда будет что-то новенькое и интересное, мы привезем и поделимся.

